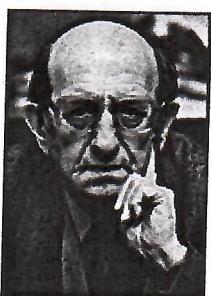

Леонид Мильграм: Страницы «Антибиографии»

У этого человека, вообще-то, согласно суровым идеологическим законом наших прошлых дней, никакой биографии не должно было бы и быть. Его товарищи так и говорят: «У тебя Леонид Исидорович: пятый пункт – раз, расстрелянный отец – два, жена-иностраница – три. Это же – антибиография!».

Мы можем продолжить этот перечень: 1921-й год рождения – четыре.

Согласно законам, уже не идеологическим, а историческим – это тоже антибиографический пункт. Ведь только 3 процента призывников этого года рождения вернулись с полей войны живыми...

После войны Леонид Исидорович Мильграм был восстановлен на истфаке МГУ, который закончил в 1951 году. До 1959 года работал преподавателем истории в различных учебных заведениях. В 1959 году назначен завучем, а в 1960-м директором школы № 45 г. Москвы, которой руководил бессменно 42 года.

В годовщину начала Великой Отечественной войны, Народный учитель СССР, Почетный Гражданин города Москвы, кавалер орденов Красной Звезды и Почета, медалей «За боевые заслуги» и «За Победу над Германией» Леонид Исидорович Мильграм побывал у нас в гостях. Мы попросили рассказать его о тех страницах его жизни, которые можно вложить в понятие «Антибиография»...

Четвертая страница

– Леонид Исидорович, как в Вашу жизнь вошла война и какими были Ваши фронтовые дороги?

– В 1939-м я, с трудом, окончил школу. С трудом – потому что нужно было и учиться и зарабатывать. Родители к этому времени были репрессированы, и мы жили вдвоем с младшим братом. В двух классах моего года 13 человек были тогда уже без родителей, мы создали с ними бригаду и ходили разгружать вагоны.

В 1941-м окончил школу и брат.

22 июня моя часть находилась в Коломне. А я был в увольнении, в Москве. После известного выступления Молотова по радио, я срочно вернулся в свою часть, а брат побежал бить стекла в немецком посольстве. Потом он добровольцем ушел на фронт и служил в отдельной бригаде особого назначения. Той, где были Медведев, Кузнецков...

Я ушел в армию еще в 39-м. Сначала поступил на исторический факультет МГУ, но вышел указ, чтобы студентов 1-го курса забрали на службу. Однокашников забрали, а меня нет. Пришлось добиваться, писать заявления... В результате попал в полковую школу, а затем и в стрелковый полк. Через два месяца всех студентов из этого полка, как более грамотных, перевели на службу в отдельный 40-й артиллерийский дивизион.

Выступили мы из Коломны в июле 41-го, на Западный фронт. Я не знаю, почему так не любят вспоминать то, что было в 41-м году. Но это было страшно! Война просто ошеломляла...

Надо сказать, что часть, в которой я служил, была изумительной. Это был великолепный сплав студентов с шахтерами Донбасса. Командир дивизиона Владимир Антонович Холык – высочайшей порядочности человек – был настоящим военным интеллигентом и культивировал свои принципы в дивизионе. Офицеры – выпускники 3-го Ленинградского училища тяжелой артиллерии и Одесского артиллерийского училища – были под стать нашему командиру. Командир батареи Иван Устинович Бебых так относился к людям, что его на руках носили.

В дивизионе, в армии, я никогда не ощущал, что я сын «врага народа». Один момент только был. Вызвал меня как-то уполномоченный особого отдела:

– С кем мы воюем?

– С Германией, с Финляндией, – начал перечислять я.

– А с кем ты переписываешься? – спросил особист, когда я дошел до Италии. – С итальянкой, – говорю.

– Как ты можешь такое? – А вы по своим каналам проверьте, что и как, – отвечаю.

Через месяц он меня опять вызвал:
— Можешь переписываться...

Я, конечно, не могу сравнить наш военный быт и опасности с пехотой, танкистами или саперами. Мы воевали и несли потери. Но они не были такими чудовищными, как у них.

Наша артиллерия предназначалась для удара по тяжелым оборонительным сооружениям — разрушения дотов и пр. Снаряд калибра 280 мм весил около 300 кг! И, в общем-то, во время отступления такая тяжелая артиллерия была почти бесполезна. Поэтому нас переформировали и отправили на Ленинградский фронт. И там действительно была работа для нас — мы воевали, разрушали финские оборонительные сооружения, пока Финляндия не вышла из войны. Потом нас отправили на Сандомирский плацдарм, и оттуда мы наступали до Бреслау, где и застало нас известие об окончании войны.

Накануне, 5 мая, у нас погиб один московский парень — Миша Ерхов с Красной Пресни. Его мы похоронили в Бреслау...

День Победы — это для нас праздник номер один. Очень точно сказано, что это праздник со слезами на глазах. Жалко тех, кого не стало, кто погиб. И с годами эта память не становится слабее.

Мы прошли всю войну. И мы встречались после войны каждый год, пока этому не стали мешать границы и денежные трудности... Очень хорошая была у нас часть. К сожалению из 700 человек сейчас в живых осталось только 15.

Третья страница

— Леонид Исидорович, а кто же была та итальянка, с которой вы переписывались во время войны?

— Это была моя будущая жена. Мирелла Пасторе (Росси).

Когда я родился, мы сначала жили в том доме, где сейчас гостиница «Центральная». В этом доме жили руководители иностранных компартий: Клара Цеткин, Тольятти, Тито, Вильгельм Пик и многие другие... И моя будущая жена тоже из этого дома, ее отец был первым редактором газеты «Унита» и сидел во время войны в тюрьмах Франции и Италии.

Мы переписывались с моей будущей женой всю войну — это был роман в письмах, целый чемодан писем... Через два года будет уже 60 лет, как мы в браке.

После войны ее отец стал сенатором, а она еще не была моей женой, и мать ей сказала: «Собирай вещи, уедем к отцу, в Италию». Это был 46-й год. Мы были студентами. У меня — только шинель и солдатский рюкзачок. «Нет, мама, я останусь с ним». И она осталась со мной. Это был подвиг.

Вторая страница

— А что случилось с Вашим отцом? И почему на фотографии он запечатлен в «капиталистическом» цилиндре?

— Это, если так можно сказать — спецодежда. Отец служил в иностранном отеле ВЧК с самого его образования. С марта 1921 года. И кем только ему не доводилось быть!..

У меня есть газета греческая, где написано, что он был арестован во время свидания с завербованным им начальником одного из департамента МИД Греции. Выдал его провокатор — член ЦК греческой компартии. Это уже потом выяснилось. Тогда его обменяли на кого-то из арестованных у нас греков. Был он резидентом и в Шанхае, работал в Дрездене... В юности отец выучил эсперанто, потому что верил, что эсперанто — это язык мировой революции. Он знал немецкий, польский, английский, греческий, французский и другие языки.

Однажды, он сопровождал нашу, возглавляемую Литвиновым, делегацию в Гаагу, на конференцию. Мне прислали досье из Голландии, там, в журнале регистрации делегации значится «Бильграм», а в скобках, чьей-то рукой приписано: «Это — Мильграм, который отсидел в крепости Кроншанце 1 год и 10 месяцев». Отец, действительно, сидел там сразу после революции. Во время мировой войны, еще совсем мальчишкой, он занимался революционной деятельностью в Германии, был там арестован и отправлен на катогру. Оттуда ему удалось бежать в Голландию, где он продолжил революционную работу.

Когда его, уже из России, отправляли в Голландию, отец говорил, что это очень опасно, что его знает тамошняя полиция, и сразу же арестует. Так оно и вышло. Арестовали прямо на границе, нашли письмо к голландским коммунистам, посадили в крепость, а потом выдали его Юденичу. Но в

Ревель, к Юденичу, везли на немецком корабле. Каким-то образом голландским коммунистам удалось договориться с немецкими моряками, и во время захода в Данциг отец получил возможность бежать.

В 1937 году, когда отец уже был на научной работе, его арестовали и расстреляли. У меня есть следственное дело – отцу приписывали близость к Троцкому.

Действительно, в 1926 году Троцкий, инкогнито, ездил лечиться за границу. Под другой фамилией, сбив бороду. Потом, при аресте, у нас изъяли фотографию, на которой были засняты Троцкий с женой и мой отец. Но отец сопровождал Троцкого по роду службы! Даже у самого Троцкого в книге «Моя жизнь», в том разделе, который посвящен поездке на лечение, написано: ««Дзержинский послал со мной своего человека». То есть, отец сопровождал Троцкого по приказанию Дзержинского, и за это был расстрелян!

Первая страница

– На фронте антисемитизма не было, – продолжил свой рассказ Леонид Исидорович, – С ним я столкнулся, когда уже учился в университете.

Один фронтовой товарищ сказал как-то обо мне, что я был безудержно храбр на войне.

Ну, я не верю тем, кто говорит, что он лично на фронте ничего не боялся. Я – боялся. Очень боялся. Но национальность обязывала. Никто не должен был сказать, что я прячусь за чужие спины.

А в университете, во время борьбы с космополитизмом, меня пытались исключить из партии. Один студент, из моей группы, написал на меня донос. Мне инкриминировали мои слова о том, что Литвинова заменили Молотовым потому, что немцы не сели бы за стол переговоров с евреем; а также мое утверждение о том, что на Западе есть такой инструмент поднятия качества продукции, как конкуренция. Предложили исключить меня из партии. Не прошло.

Зато при распределении, после окончания учебы, мне сказали: «А для вас места в Москве нет». И послали в Архангельск.

«Пятый пункт» играл тогда очень большую роль. И все-таки я честно служил и стране и детям. В Архангельске у меня было 52 часа нагрузки. Я работал в техникуме и в университете марксизма-ленинизма для старших офицеров флота. И у меня есть чувство удовлетворения от своей работы.

И я вам скажу такую вещь. Многие – уехали. Но я не мог уехать, потому что отец взрастил меня в этой идеологии. Это очень глубоко все в нас сидит. И когда начались все эти пертурбации, многие заявили, что всегда были антикоммунистами и антисталинцами. Для меня же это была не смена костюма, это был очень тяжелый путь.

Страница о дне сегодняшнем

– Леонид Исидорович, в чем Вы, человек с громадным жизненным, педагогическим, фронтовым опытом видите проблемы сегодняшнего дня? Проблемы школы в русле патриотического воспитания и проблемы фронтовиков, с точки зрения отношения к ним государства?

– Одно время, в молодости, я даже хотел заняться журналистикой. Но когда пришел впервые в школу и увидел глаза ребят, то понял, это – мое.

Хорошая школа должна не только учить, но и воспитывать. Процесс образования, обучения и воспитания должен быть единым.. Я вижу несколько рычагов. Первое – создание детских организаций, и они сейчас начинают создаваться. Но в школу нельзя допускать какую-либо одну идеологию, школьник должен знать палитру, а потом он сам выберет, то, что ему по душе. Однако не следует забывать, что есть вещи и абсолютно святые – в том числе и воспитание отношения к своей стране, которое называется патриотизмом.

Меня очень пугает то, что уходит память о войне. Мы упустили что-то... Мне так больно, когда я бываю в Америке – они же убеждены в том, что они победили. Это же чудовищно, они трактуют войну так, будто мы своим пушечным мясом только отвлекали немцев...

В преподавании истории роль Победы нужно, конечно, подчеркивать. Но, к сожалению, у нас разные трактовки этого. Я убежден, что пройдет еще 10-20 лет и настоящая история войны будет все же написана. Но и скрывать то, что мы побеждали ценой колоссальных жертв нельзя.

Проблемы ветеранов... Как Почетный гражданин Москвы, я получаю более-менее нормальную пенсию. Но вот, например, надо мною живет генерал. Инвалид войны, летчик – в жутком положении, для него сейчас потерять льготы – это смерть. И таких людей сейчас много. Очень много. Я не сбрасываю со счета, что эти льготы жителю села ничего не дают. Значит, нужно сделать простую вещь: дать людям право выбора. Разве это не резонно?

И второе: я бы дал возможность принимать региональные решения на местном уровне, в дополнение к льготам, установленным государством. Если Лужков имеет такую возможность – пусть делает, и не запрещать ему это...

Но вообще, положение ветеранов, конечно, ужасное. С каждым годом их количество капитально уменьшается, из-за возраста, болезней, ран, перенесенных в годы войны лишений.

Я надеюсь, что Путин все это понимает, и праздник 60-летия Победы будет действительно праздником!..

Константин Быков